

УДК 130.1, 130.2

ПАНКОВ Г.Д. (доктор философских наук, профессор, ХДАК, Харьков)

АПОЛОГЕТИКА МЫТАРСТВ В ПРАВОСЛАВНОЙ МЫСЛИ

В данной статье анализируется православно-богословское обоснование эсхатологического мифа о мытарствах в контексте духовных ценностей христианства. Особый акцент ставится на освещение роли указанного мифа как смысло-жизненного регулятора.

Ключевые слова: «апологетика», «мытарства», «эсхатологический миф», «духовность», «духовная брань».

© Панков Г.Д.

Панков Г.Д. АПОЛОГЕТИКА МИТАРСТВ У ПРАВОСЛАВНІЙ ДУМЦІ У даній статті аналізується православно-богословське обґрунтування есхатологічного міфу про поневіряння в контексті духовних цінностей християнства. Особливий акцент ставиться на висвітлення ролі згаданого міфу як смисло-життєвого регулятора.

Ключові слова: «апологетика», «поневіряння», «есхатологічний міф», «духовність», «духовна лайка».

Pankov Georgiy D. THE APOLOGETICS OF ORDEALS IN AN ORTHODOX IDEA The orthodox-theological ground of eskhatological myth about ordeals in the context of spiritual values of christianity was analysed in this article. The special accent was put on the interpretation of the role of the indicated myth as a life-sense regulator. Realization of this purpose is based on secular and religious study approach in natural combination of the methods of fenomenological, ethics and axiological analysis.

Due to orthodox eskhatology the special sphere which is called ordeals through which the dyings souls pass inevitably before their appearance in the Paradise or in the Hellis situated in air space. The ordeals are determined as immeasurable space between heaven and earth, which is gap-filling, outcast, fallen angels, to decline a man from rescuing. The kind souls which were justified on ordeals are uplifted by angels in paradisial monasteries for eternal beatitude, and the sinful souls are detained on one or another ordeal, drawn by demons in their gloomy monasteries for an eternal torment. There are twenty such ordeals due to the certain type of human sins (ordeal, lie, slander, laziness, stealing, envy, pride, anger and other).

Two opposite positions are revealed in understanding of ordeals (bukvalistic and rationalistic, in the opposition to which orthodox theologians pull out the third position, the aim of which to confirm the spiritual sense of eskhatological picture. In accordance to the lastone ordeals are considered as a stimulus to critical self-knowledge, the mean of cognition of "the man's bottom", without what the ascent of the soul to Christ is impossible. The extraordinary actualization of an orthodox idea of moral improvement which is seen by ascetics in revealling by a man in itself impurities, clearing of heart, change of mind, manner of thoughts, making of steady position of hatred to the sin etc. All these ideas flow out the upper conclusions.

All these conclusions allows to define the orthodox-theological apologetics character of mythical picture of ordeals as apology of the christian spirituality. Orthodox-theological interpretation offers a look to the eskatological picture of ordeals as on a «spiritual bad language», plugging in its space not only opposition between angels and demons but also opposition of sinful man passions in his earthly life, on the end of which the situation of fight must depend for the human soul in air space between supernatural spiritual creatures. This idea proclaims the responsibility of a man for the posthumous fate, and the prospect of eskhatological beatitude of the soul is put in direct dependence on its spiritual ascent in «life in Christ».

The eskhatological picture of ordeals looks in a civilized manner-meaningful phenomenon not so much from the point of its maintenance, but by virtue of the role of life-sense regulator, which it executes in regard to orthodox tradition and to its adherents. It is this side of the myth was actualised by theological thinking, aspiring to elevate it on the height of spirituality.

Keywords: «apologetics», «ordeals», «eskhatological myth», «spirituality», «spiritual bad language».

В системе религиозной картины мира существенное место занимают эсхатологические представления. Согласно православной эсхатологии, в воздушном пространстве располагается особая сфера, называемая мытарствами, которые неизбежно проходят умершие души, прежде чем оказаться в раю или в аду. Представление о мытарствах получило свое отражение не только в православной литературе, но и в искусстве, о чем, например, свидетельствует картина мытарства блаженной Феодоры,

помещенная в ближних пещерах Киево-Печерской лавры и впечатляющая посетителей своим значительным размером. Тесно связанные с представлением о загробном воздаянии, мытарства выглядят элементом эсхатологического механизма социо-культурного регулирования.

К вопросу о мытарствах обращались отдельные отцы христианской церкви, в частности, Кирилл Александрийский и Григорий Двоеслов, известные православные богословы XIX ст. Игнатий Брянчанинов и Макарий Булгаков, современные богословы А.И. Осипов и Серафим Роуз. В их творчестве серьезное значение придается богословскому обоснованию эсхатологической картины мытарств в тесной соотнесенности с нравственным регулированием сознания и поведения людей, с их мировосприятием и мироотношением. В этой связи актуальность темы данного исследования обуславливается не только задачами философии и религиоведения в области изучения содержания тех или иных вопросов, получивших освещение в религиозной мысли, но также потребностями культурологического и религиоведческого уяснения презентации религиозной картины мира как механизма социо-культурного регулирования. Названный характер ее презентации содержится в православно-богословской мысли.

В настоящей статье выдвигается цель – изучить характер и содержание обоснования эсхатологической картины мытарств в православной мысли. Объект исследования – православно-богословская эсхатологическая мысль. Предмет исследования – богословская апологетика эсхатологического мифа мытарств в православии. Реализация поставленной цели основывается на светско-религиоведческом подходе в органическом сочетании методов феноменологического, этического и аксиологического анализа.

В православном учении мытарства определяются в виде неизмеримого пространства между небом и землею, которое наполнено отверженными, падшими ангелами, чтобы отклонить человека от спасения [См.: 3, с. 18]. Известный богослов Серафим (Роуз) подчеркивает, что в православном догматическом богословии прохождение человеческой души через воздушные мытарства является этапом страшного суда, посредством которого решается ее судьба до страшного суда [10, с. 87]. Согласно определению Кирилла Александрийского, мытарства – это неизбежный путь, которым совершают свой переход от временной земной жизни к вечному жребию все человеческие души. На мытарствах каждая душа в присутствии ангелов и демонов испытывается во всех своих делах, словах и помышлениях. Добрые души, оправданные на мытарствах, возносятся ангелами в райские обители для вечного блаженства, а души грешные, задержанные на том или ином мытарстве, влекутся демонами в их мрачные обители для вечного мучения [См. : 7, с. 3]. Таких мытарств насчитывается двадцать, согласно определенным видам человеческих грехов (мытарства празднословия, лжи, клеветы, чревоугодия, лени, воровства, сребролюбия и скупости, лихоимства, неправды, зависти, гордости, гнева и ярости, злопамятства, убийства, волшебства, блуда, прелюбодеяния, содомских грехов, ереси, немилосердия и жестокосердечности).

Рассмотрим отдельные фрагменты картины прохождения мытарств из Жития св. Нифонта Кипрского.

Однажды, стоя в церкви на молитве, Нифонт Кипрский увидел открытые Небеса и много ангелов, из которых одни сходили вниз на землю, другие шли вверх, неся на Небо человеческие души. «И вот, видит он, идут два Ангела вверх, неся какую-то душу. И когда приблизились они к блудному мытарству, вышли мытари-бесы и сказали с гневом:

- Эта наша душа, как вы смеете нести ее мимо?

Ангелы отвечали:

- Какой у вас знак на ней, что вы считаете ее своею?

Сказали бесы:

- Она до смерти оскверняла себя грехами, не только естественными, но даже противоестественными; кроме того, она осуждала ближнего и умерла без покаяния. Что вы на это скажете?

- Мы не верим, – ответили Ангелы, – ни вам, ни отцу вашему дияволу, пока не спросим Ангела-хранителя этой души.

Когда же его спросили, тот сказал:

- Правда, много грешила эта душа, но когда заболела, начала плакать и исповедывать грехи свои Богу; и если простил ее Бог, то он знает почему: Он имеет власть. Слава Его праведному суду!

Тогда Ангелы, посрамивши бесов, вошли с душою в Небесные врата...

Через некоторое время блаженный Нифонт увидел, как бесы влекли душу в ад; это была душа одного раба, которого господин изнурил голодом и бил; он не стерпел такого мучения и, по научению беса, взял веревку и удавился... Преподобный видел и еще одну душу, которую несли в воздухе Ангелы, а их встречали полчища бесов; не дошли они и до четвертого мытарства, как бесы отняли из рук святых Ангелов ту душу и с поруганием бросили в бездну. Это была душа одного клирика церкви святого Елевферия; этот клирик постоянно прогневлял Бога блудом, чародейством и разбоем, умер же он внезапно без покаяния, и была радость бесам» [1, 627-629].

Столь приземленная картина мытарств и ее буквальное восприятие в сознании многих верующих вызвало критическое отношение в среде ряда последователей православной общественности. «Возможно, ни один аспект православной эсхатологии не был столь неправильно понимаем, как воздушные мытарства. Многие студенты современных модернистских православных семинарий склонны вообще целиком отвергать это явление как некое «позднее добавление» к православному учению или как что-то «вымышленное», не имеющее основание в Священном Писании, ни в святоотеческих текстах, ни в духовной реальности» – отмечает Серафим (Роуз) [10, с. 71]. Он назвал модернистски настроенную православную молодежь жертвою рационалистического образования, которому не хватает тонкого понимания различных реальных и смысловых уровней, обнаруживаемые в православных текстах. «Современный рационалистический упор на «буквальное» значение текстов и «реалистическое», или приземленное, понимание событий, описываемых в Священном Писании и житиях святых, – утверждает Серафим (Роуз), – замутняют или даже вообще полностью затемняют духовный смысл и духовный опыт, которые служат зачастую основными православными источниками» [10, с. 71].

Приведенное выше размышление позволяет обнаружить две противоположные позиции в понимании мытарств: первую – «буквалистскую», вторую – рационалистическую, отвергаемые Серафимом (Роузом), а также третью позицию, которая призвана утвердить духовный смысл эсхатологической картины мытарств.

Стремление утвердить идею существования мытарств как духовной реальности прослеживается в «Православно-догматическом богословии» Макария (Булгакова), настаивавшего на целесообразности представлять мытарства не в чувственно-грубом смысле, но в смысле духовном [6, с. 410]. Аналогичная позиция также встречается у Г. Орлова [8, с. 145], Е. Тихомирова [11, с. 186]. Опираясь на вышеуказанную мысль митрополита Макария, а также на позицию Григория Двоеслова относительно духовного видения адских мучений, Серафим (Роуз) подчеркивает: «Никто, знакомый с православным учением, не скажет, что мытарства не являются «реальными», что на самом деле душа после смерти их не проходит. Но мы должны иметь в виду, что это имеет место не в нашем грубом материальном мире, что хотя там и имеются время и пространство, они в корне отличаются от наших земных представлений, и что на нашем земном языке рассказы никогда не смогут передать потусторонней реальности» [10, с. 73].

Таким образом, рассматриваемая позиция в оценке мытарств как духовной реальности основывается на идее антиномии сверхземного бытия и «приземленного» способа его языкового выражения, использующего грубые образы и символы. «Видит ли действительно душа тогда эти образы, благодаря постоянной привычке видеть духовную реальность в телесной форме, или же позднее может вспомнить пережитое только посредством таких образов, или просто не может выразить пережитое иначе – это второстепенный вопрос, – пишет Серафим Роуз, – Важно другое – что существует истязание бесами, которые появляются в страшном, нечеловеческом виде, обвиняют новопреставленного в грехах и буквально пытаются схватить его тонкое тело, которое крепко держат Ангелы; все это происходит в воздухе над нами и может быть увидено теми, чьи глаза открыты для духовной реальности» [10, с. 74].

Обратимся к отдельным фрагментам содержания картины мытарств блаженной Феодоры.

Феодора поведала Григорию следующее. «Когда я приблизилась к концу жизни моей и настал час разлучения души от тела, увидела я множество эфиопов, стоявших вокруг одра моего; лица их были черные, как сажа и смола, очи горели, как угли огненные, и весь их вид был столь же страшен, как вид огненной геенны. И начали они призводить шум и смятение: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как псы, некоторые выли как волки; при этом все они, с яростью смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. Приготавливали они и хартии как бы в ожидании судьи некоего, имеющего придти туда, и развертывали свитки, на которых были написаны все злые дела мои. И была убогая душа моя в великом страхе и трепете. Тогда претерпевала я не только муки смертные, происходившие от разлучения души с телом, но также жесточайшие страдания от видения тех страшных эфиопов и грозной ярости их, и это было для меня как бы другою смертию, более тяжкою и лютою...

Уже изнемогая совершенно от таких страданий, я вдруг узрела двух светоносных ангелов Божиих, которые явились ко мне в образе прекрасных юношей, красоты коих описать невозможно... При виде их я возрадовалась и смотрела на них с умилением сердечным. Черные же эфиопы, увидев их, содрогнулись и отступили подальше...

Когда мы поднимались от земли к высоте небесной, нас встретили сначала воздушные духи первого мытарства, на котором судят за грехи языка – за всякое слово праздное, бранное, бесчинное, скверное. Тут мы остановились, и бесы вынесли к нам свитки, на которых были написаны все легкомысленные слова, сказанные мною от юности, – все, что я говорила неразумного и скверного, особенно же кощунственные и смехотворные речи, которые я допускала произносить в юности, как это было у многих. Предстали предо мною там все бесстыдные мирские песни, которые я пела когда-то, все бесчинные восклицания мои, все мои легкомысленные речи, и бесы обличали меня всем тем, указывая времена, места и лица, когда, где и с кем я предавалась суетными беседами и прогневала словами моими Бога... Видя все это, я молчала, как безгласная, потому что не имела что-либо сказать лукавым духам: они обличали меня вполне справедливо, – и я удивлялась, как они ничего не забыли... И когда я со стыдом молчала, святые Ангелы в противовес тем грехам моим представили нечто из моих добрых дел, содеянных в последние годы жизни моей, а так как они не могли перевесить тяжести грехов моих, то недостаток восполнили от того, что было даровано отцом моим Василием. Так они искупили меня и понесли выше» [2, с. 532-537].

Исходя из приведенного текста, складывается впечатление о целенаправленности brutalной картины мытарств, чтобы вызывать устойчивый страх у каждого человека перед загробным миром, куда неизбежно попадают души и проходят жестокое испытание на предмет пороков и добродетелей. Один из крупнейших современных православных богословов А.И. Осипов обращает внимание, что на основании повествования о

мытарствах Феодоры созданы целые иконографические циклы: «Что там только не увидишь, каким мучениям, какими пытками подвергают бесы грешников! Фантазия у художников сильная, яркая и потому картинки эти впечатляют» [9, с. 59-60]. Нагнетание ужаса истязаний на мытарствах объясняется Осиповым стремлением передать людям характер страданий, которые неизбежны для тех, кто попирает совесть и нарушает божественные заповеди. Каждое из мытарств в брутальной форме указывает людям с огрубленными нравами на определенный грех и ответственность за его совершение [9, с. 60].

В трактовке мытарств А.И. Осипов ставит главный акцент не на ценности божьего наказания грешников, но на ценности их исправления, исцеления, даруемые божественным милосердием. В этом отношении мытарства предлагаются рассматриваться стимулом к критическому самопознанию, средством познания человеком «своего дна», без чего невозможно восхождение души ко Христу. «...Не Бог наказывает нас за грехи, и не демоны по своему призыву мучают за них, а мы сами своими страстями отдаемся в руки мучителей», – назидает А.И. Осипов [9, с. 63-64]. Православный богослов призывает грешников обратить свой взор на собственную душу, которая, будучи отягощенная грехом, сама делается бесовскою и поэтому стремится к бесам, которым завладеть на мытарствах такую душою не составляет особого труда. Благодаря ужасной картине представления о мытарствах, грешник получает возможность осознать пагубность своих греховных страстей и направить свою душу к спасению [9, с. 62-64]. «Чего ищут эти митники у проходящих?» – ставит риторический вопрос Серафим (Роуз) и сам на него дает ответ: «Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же их каков? Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо страстей, у того они не могут найти ничего такого, к чему и могли бы привязаться; напротив, противоположная им добродетель будет поражать их самих, как стрелами молнийными... А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствия, на то душа и бросается там. Бесы и берут ее, будто друзья, а потом уж знают, куда девать... Посрамление здесь в том, что душа сама бросается в ад» [10, с. 90].

Из всего этого вытекает чрезвычайная актуализация в православной мысли проблемы нравственного усовершенствования, которая усматривается аскетикой в обнаружении человеком в себе нечистоты, очищении сердца, изменении ума, образа мыслей, выработке устойчивой позиции ненависти к греху и т.п. При этом главенствующее место отводится покаянию, которое в содержании картины мытарств представляется надежнейшим защитным средством от власти злых духов. В житии Нифонта Кипрского на упреки бесов в адрес ангелов, несущих к Небесным вратам душу человека, согрешившего корыстолюбием, злопамятством и разбоем, ангелы отвечают: «Мы хорошо знаем, что хотя она и сделала все это, но плакала и горевала, исповедывала грехи и подавала милостыню; за это простил ее Бог... Все грешники, исповедующие свои грехи со смирением и слезами, получают прощение по милости Божией, а кто умирает без покаяния, тех судит Бог» [1, с. 628].

Игнатий Брянчанинов приводит достаточно яркий и поучительный пример с раскаявшимся разбойником, обратившимся к Богу со следующими словами: «прими плач мой на смертном одре», «прими мои горькие слезы, очисти и крести меня ими». Исповедуясь в течении нескольких часов и утирая слезы платком, разбойник скончался. При наступлении смертного часа к одру разбойника явились мурины (мытари-бесы) с хартиями, на которых были многочисленные грехи покойного. Эти дела мурины положили на одну чашу весов, которая перетянула все добре дела, которые ангелы положили на другую чашу весов. Однако один из ангелов вдруг обнаружил платок разбойника, омоченный его слезами. Этот платок вместе с «человеколюбием Божиим» ангелы положили на чашу с добрыми делами, которая не только перетянула, но и уничтожила все рукописания злых дел разбойника, так что ангелы воскликнули в один голос: «Поистине победило человеколюбие Божие!» Взяв душу разбойника, они повели ее

с собой; мурины зарыдали и бежали со стыдом [4, с. 117-118]. «Господь призывает человека к покаянию и спасению до последней минуты, – резюмирует Игнатий Брянчанинов. – В эту последнюю минуту еще отверсты двери милосердия Божия всякому, толкующему в них... Последние минуты человека могут искупить всю жизнь его» [4, с. 119].

Обратим внимание, что в данном примере утверждается ценность не внешне-формального, но внутренне-глубокого сердечного покаяния, предполагающего «слезы плача». На указанной ценности акцентируется внимание в мытарствах Феодоры. Когда у мытарства блуда в адрес Феодоры посыпались многочисленные обвинения, ангелы возразили им, что их подопечная уже много лет не подвергалась блуду и прожила последние годы своей жизни в посте, чистоте и воздержании. Но бесы возразили им: «Знаем, что она уже давно отстала от блудного греха, но все же она принадлежит нам, потому что несовершенно и не вполне искренно каялась пред своим духовным отцом в содеянных раньше грехах, многие утаивая от него; а потому или оставьте ее нам, или выкупите ее добрыми делами» [2, с. 545-546].

Другое обстоятельство, ярко представленное в описании мытарств, составляет картина острого противостояния между ангелами и демонами в их обоюдном стремлении овладеть человеческой душой. Держа душу, ангелы устремляют ее от земли к небу через воздушное пространство, однако встречают на своем пути двадцать мытарств с демонами. Каждое мытарство старается удержать у себя душу и тем самым воспрепятствовать дальнейшему ее восхождению на небо. Мытари-демоны стараются найти в душе определенную греховность и низвести ее в ад. Против силы нечистых духов стоят силы чистых ангелов. Этим самым картина мытарств подчеркивает идею чрезвычайной трудности пути к достижению небесного царства как искомого для христиан финального блага. Известный православный мыслитель XIX в. Игнатий Брянчанинов обозначил ситуацию прохождения мытарств духовной бранью, требующей вооружиться надежным оружием Бога. «Тогда нужны нам многие молитвы, многие помощники, многие добрые дела, великое заступление от Ангелов при шествии через воздушное пространство», – цитирует он слова Иоанна Златоуста [4, с.145]. Игнатий Брянчанинов горячо настаивал на необходимости каждого человека осуществлять духовную брань с демоническими силами с целью одержания над ними победы именно в земной жизни. «С такой великой свободой, – писал он, – великие угодники Божии проходят воздушные стражи темных властей потому, что в земной жизни вступают в непримиримую брань с ними, и, одержав над ними победу, в глубине сердца стяжают совершенную свободу от греха, соделываются храмом и святилищем Святого Духа, соделывающего словесную обитель свою неприступной для падшего ангела» [4, с. 166]. Главным полем духовной брани мыслитель считал человеческий ум, откуда рождаются помыслы о грехе: «Оружие врага – помысел и мечтание греха. Человек должен сражаться против воздушных властей в стране мысленной. Здесь начертано ему или одержать победу, или претерпеть поражение; здесь он приобретает свободу от мытарей, или подчиняется им; здесь решается его вечная участь...» [4, с. 168].

Одним из условий в осуществлении христианином духовной борьбы подвижники благочестия рекомендовали регулярно помышлять о перспективах райского блаженства или вечных адских мук. Видный представитель каппадокийской школы святоотеческого наследия Иоанн Златоуст советовал мысленно соотносить с царством небесным все хорошее и благое, с чем встречается человек в земной жизни, чтобы убедиться о его ничтожестве по сравнению с блаженством в этом царстве. С другой стороны, им предлагалось соотносить с огненной геенной все увиденное человеком, что способно побудить в нем плотскую похоть и грех. «Если бы мы постоянно помышляли о геенне, – поучал Иоанн Златоуст, – то не скоро низринутись бы в нее. Для этого-то Бог и угрожает наказанием. Если бы размышления о геенне не принесло нам великой пользы, то Бог и не

угрожал бы ею; но так память о ней может способствовать надлежащему исполнению великих дел, то Он как-бы некое спасительное лекарство посеял в наших душах грозную мысль о ней... Будем иметь перед глазами геенну, будем помышлять о неизбежном будущем наказании, чтобы, размышляя об этом, мы и зла избежали, и стяжали добродетель, и сподобились получить благо...» [5, с. 584, 588].

Все вышеизложенное позволяет определить характер православно-богословской апологетики мифической картины мытарств как **апологию христианской духовности**. В предложенной богословами интерпретации рассматриваемого мифа выражена позиция преодоления двух крайних вариантов его истолкования – буквалистского, основанного на буквальном восприятии событий мытарств в привычном человеческому сознанию чувственном восприятии явлений окружающей действительности, а также рационалистической демифологизации, трансформирующей описываемые в мифе события в символическое поле культуры и этим самым устраняя взгляд на мифические события как на объективную реальность. В отличие от двух указанных выше альтернативных интерпретаций мифа, богословская мысль решительно отстаивает реальность описываемых мифом событий и образов, однако предлагает возвыситься над их приземленным осознанием в направлении духовного восприятия.

Православно-богословская интерпретация предлагает взгляд на эсхатологическую картину мытарств как на «духовную брань», включая в ее пространство не только противостояние между ангелами и демонами, но и противостояние человека греховным страстям в земной его жизни, от исхода которой должна зависеть ситуация борьбы за человеческую душу в воздушном пространстве между сверхестественными духовными существами. Этим самым провозглашается ответственность человека за свою посмертную судьбу, а перспектива эсхатологического блаженства души ставится в прямую зависимость от ее духовного восхождения в «жизни во Христе».

Эсхатологическая картина мытарств выглядит культурно-значимым явлением не столько с точки зрения ее содержания, сколько в силу роли смысло-жизненного регулятора, которую она выполняет в отношении православной традиции и ее адептам. Именно данная сторона мифа актуализируется богословской мыслью, стремящийся ее возвысить на высоту духовности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитрий Ростовский Жития святых : в 12 кн. – Кн. 4, декабрь / Дмитрий Ростовский – М : Синодальная типография, 2003. – 909 с.
2. Дмитрий Ростовский Жития святых : в 12 кн. – Кн. 7, март / Дмитрий Ростовский – М : Синодальная типография, 2003. – 829 с.
3. Загробная жизнь. Как живут наши умершие и как будем жить и мы по смерти, по учению православной церкви, по предчувствию человеческого духа и выводам науки монаха Митрофана / Монах Митрофан. – СПб. : Изд. книгопродавца И.Л. Гурова, 1897. – 333 с.
4. Игнатий (Брянчанинов), епископ Черноморский и Кавказский Слово о смерти / Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Черноморский и Кавказский // Собр. Соч. : в 6 т. – Краматорск, 2001. – Т. 3. – С. 74-194.
5. Иоанн Златоуст Толкование на второе послание фессалоникийцам / Иоанн Златоуст // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста : в 12 т. – Т. XI. – Кн. 1. – М. : Православное братство Радонеж, 2004. – С. 573-617.
6. Макарий, епископ Винницкий. Православно-догматическое богословие : в 2 т. – Т. 2. – СПб. : Типография Григория Труслова, 1857. – 514 с.
7. Мытарства блаженной Феодоры. – К. : Типография Киево-Печерской лавры, 2007. – 72 с.
8. Орлов Г., священник. Загробная жизнь при свете Богооткровенного учения / Священник Г. Орлов. – М. : Паломник, 2000. – 559 с.

9. Осипов А.И. Из времени в вечность. Посмертная жизнь души / А.И. Осипов. – М. : Изд. Совет русской православной церкви, 2009. – 224 с.
10. Серафим Роуз, иеромонах. Душа после смерти / Иеромонах Серафим Роуз. – К. : Типография Киево-Печерской лавры, 2010. – 266 с.
11. Тихомиров Е. Загробная жизнь, или последняя участь человека / Е. Тихомиров. – М. : Отчий дом, 1999. – 459 с.